

Общество: концепты, институты и символы

**РУССКАЯ ВЛАСТЬ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕАЛЬНОГО ТИПА**

А.Н. Олейник

*Институт международных экономических
и политических исследований РАН*

Питер Моррис¹ утверждает, что «обычные люди зачастую знают о власти больше, чем ученые». Хранилищем этой «народной мудрости» является язык. Однако русский язык в этом смысле, скорее, указывает на наличие проблемы, а не подсказывает ее решение. «В Русском языке... ‘власть’ чаще используется в значении контроля над людьми; власть – это что-то, находящееся над нами, ограничивающее нашу свободу, создающее препятствия и т.д. И наоборот, выражение ‘власть сделать что-то’ представляется несколько неуклюжим»². Данный текст представляет собой попытку разобраться, что же такое «власть по-русски», или Русская власть.

В социальном мире определения и концепты значимы не только с эпистемологической, но и с онтологической точки зрения: они влияют на наше восприятие и поведение. Согласно «теореме Томаса», «если люди воспринимают ситуацию как реальную, это восприятие приобретает реальные последствия»³. Концепт власти в данном смысле не является исключением. Более того, можно предположить, что он влияет на повседневные взаимодействия сильнее других концептов, потому что определяемая им власть означает подчинение и преодоление любой индивидуальной воли. Концепт власти обладает и еще одной особенностью: его структурирующее влияние отчасти является результатом осознанных действий самих обладающих властью лиц. Пьер Бурдьё⁴ говорит в этой связи о символическом насилии как производстве и навязывании «(в осо-

¹ Morris P. Power: A Philosophical Analysis. N.Y.: St. Martin's Press. 1987. P. 2

² Ледаев В. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2000. С. 167.

³ Merton R. The Thomas Theorem and the Matthew Effect. // Social Forces, vol. 74, №2, 1995. P. 380

⁴ Bourdieu P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. // Sociological Theory, vol. 12, №1, 1994. P. 1

бенности с помощью школы) категорий мышления, которые мы затем начинаем спонтанно использовать в процессе познания окружающего мира».

Задача теоретического осмысления Русской власти сопряжена со значительными трудностями. Исследование специфичных для страны или культуры явлений может строиться в логике двух взаимоисключающих подходов: *emic* или *etic*⁵. При выборе *emic*-подхода исследователь полагается на категории и концепты, используемые изучаемыми им людьми в повседневной жизни, говорит их языком. Русская власть с этой точки зрения уникальна и вряд ли может быть найдена где-либо еще помимо собственно России. *Etic*-подход, наоборот, предполагает использование универсальных, лишенных какой-либо национальной специфики, категорий и принципов. С этой точки зрения исключительно «Русской» власти существовать не может, а то, что так называют, представляет собой лишь особый случай власти как универсальной способности людей навязывать другим людям свою волю.

Исследования России вообще – начиная со споров между западниками и славянофилами – и исследования Русской власти, в частности, характеризуются особенно глубокими различиями между двумя указанными подходами. Юрий Пивоваров, например, утверждает, что «природа Русской власти, ее особость не могут быть поняты вне Русской мысли и наоборот»⁶. Моя задача в данном случае заключается в поиске компромиссного варианта, позволяющего избежать крайностей как *emic*-, так и *etic*-подходов. Этого можно достичь с помощью помещения на первый план ключевых элементов структуры властных отношений и рассмотрения модели власти, характерной для данной страны, например, Русской власти, сквозь призму их различных конфигураций и сочетаний.

Методология конструирования идеальных типов, авторство которой принадлежит Максу Веберу, помогает справиться с задачей восхождения от абстрактного, универсалистского восприятия власти к ее конкретным, специфическим для данной институциональной среды, формам и обратно. Идеальный тип «не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является описанием реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено»⁷. После обсуждения в первом разделе наиболее распространенных подходов к анализу Русской власти в терминах патримониализма, идеальный тип власти в ее чистом виде изложен во втором разделе данного текста. Термин «в чистом виде» подчеркивает «первичное» состояние власти: она в нем ничем не ограничена и свободна от иных «примесей», не содержа ничего иного помимо крепости воли. Он включает пять

⁵ Hofstede G. and Bond M.H. Hofstede's culture dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 15, №4. 1984. P. 42; Newman, W.L. *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*. Boston, MA: Allyn and Bacon. 6th edition. 2006. P. 449.

⁶ Пивоваров Ю. *Полная гибель всерьез*. М.: РОССПЭН. 2004. С. 55; см. также: Пивоваров Ю., *Русская политическая традиция и современность*. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 66; Ахиезер А. *Россия: критика исторического опыта*. Том I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2-е издание. 1997. С. 195.

⁷ Weber M. 'Objectivity' in *Social Science and Social Policy*. // Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*, 49-112. Glencoe, Ill.: Free Press. Trans. and ed. by Shils E. and Finch H. [1904] 1949. P. 90.

характеристик-атрибутов, что открывает возможности для эмпирических оценок и фальсификации. Основной тезис заключается в том, что Русская власть весьма близка к этому идеальному типу, в отличие от конфигураций властных отношений, наблюдаемых в других институциональных контекстах, в частности – на Западе. В этом смысле Русская власть может рассматриваться в качестве исходной точки эволюции иных форм властных отношений. Здесь предложена лишь логическая реконструкция власти в ее чистом виде: задача исторической реконструкции требует отдельного исследования. Третий раздел содержит эмпирические иллюстрации каждой характеристики Русской власти, полученные с помощью серии углубленных полуструктурированных интервью с лицами, обладающими властью, и экспертами.

Наиболее распространенные концептуализации Русской власти

Говоря о Русской власти, исследователи подчеркивают ее насильственный характер: обладающие такой властью акторы используют преимущественно насильственные техники навязывания воли⁸. Виктор Макаренко делает еще один шаг в этом направлении, утверждая, что любая власть имплицитно или эксплицитно предполагает насилие и террор⁹.

Предположение о том, что Русская власть представляет собой квинтэссенцию властных отношений в чистом виде и, следовательно, является необходимой точкой отсчета в любом разговоре о власти, представляется весьма плодотворным. В то же самое время исключительное внимание, уделяемое насильственным техникам навязывания воли, препятствует тщательному рассмотрению других атрибутов власти, делая невозможным восприятие всей ее многомерности.

Другая отличительная черта Русской власти заключается в ее «солипсизме», самодостаточном характере. Те, кто наделен такой властью, обычно игнорируют права и интересы других. В их сознании все выходящее за пределы своих собственных интересов представляется несущественным. Пивоваров¹⁰ противопоставляет в связи с этим властечетричную социальную структуру и социальную структуру с множеством субъектов (и, следовательно, источников воли).

Два русских термина, которые трудно точно перевести на английский и другие западные языки без частичной потери смысла, самовластие и самодержавие, представляются важными средствами в обсуждении самодостаточной власти и ее осмысления (эти категории одновременно являются и продуктами этой власти). Обе категории глубоко укоренены в российской истории и рус-

⁸ Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 66; Пивоваров Ю., Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 22.

⁹ Макаренко В. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1998. С. 85.

¹⁰ Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 89.

ской социальной мысли: они производны от слова *αὐτοκρατορ*, являясь переводом на древнеславянский язык этого титула Византийского императора¹¹. В Византии, равно как и в Древней Руси, этот термин означал ни что иное как «свободу от внешнего контроля», в отличие от статуса вассала¹². С формированием централизованного Московского государства два обсуждаемых термина приобрели новый смысл, а именно стали использоваться для указания неограниченного и самодостаточного характера власти в его границах.

Карамзин совершил, пожалуй, первую попытку четкого разграничения самовластия и самодержавия, отождествляя первое с неограниченной и самодостаточной властью, а второе – с ограниченной, «скромной» властью, подразумевающей обоснование. Он вопрошает «можно ли и какими способами ограничить самовластие в России, не ослабив спасительной царской власти?»¹³. Однако Карамзин говорит, скорее, об идеале власти, который он хотел бы видеть («Записка» была написана для Александра I), а не о существовавшей в действительности и исторически стабильной модели власти. Русская власть такая, какая она есть, а не такая, которой она должна быть, и по сегодняшний день рождает противоречивые интерпретации и варианты перевода.

Стоит отметить споры по поводу термина «суверенная демократия», введенного в активный оборот Владиславом Сурковым, первым заместителем руководителя Администрации Президента (к слову, этот факт является прекрасной иллюстрацией того, как обладающие властью лица стремятся повлиять на восприятие власти подчиненными на категориальном уровне). Согласно этому определению, суверенная демократия, подобно самодержавию в Древней Руси, предполагает отсутствие зависимости от внешних сил¹⁴. В полном соответствии с противоречиями, внутренне присущими самодостаточной власти, термин «суверенная демократия» не исключает автократической интерпретации. Так, в своих комментариях по поводу суверенной демократии Леонид Поляков¹⁵ интерпретирует суверенитет как право отмены любых решений, принимаемых другими источниками власти – как находящимися внутри страны, так и за ее пределами. С такой точки зрения, суверенитет означает самодостаточную власть, сконцентрированную в единственном источнике. Неудивительно, что восприятие термина «суверенная демократия» членами российской элиты, по данным ВЦИОМа, оказывается весьма противоречивым. Лишь 40% из них признают его полезность, тогда как 54% относятся к нему скептически¹⁶.

¹¹ Ключевский В. Курс русской истории. В кн.: Сочинения, том 2. М.: Госполитиздат. [1903] 1957. С. 123.

¹² Hedlund, S. Russian Path Dependence. L. and N.Y.: Routledge. 2005. P. 140

¹³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 48.

¹⁴ Сурков В. Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию. // Эксперт, 2006. №43.

¹⁵ Поляков Л. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность. // Общественные науки и современность, 2007. №2. С. 62-63.

¹⁶ Сумма идеологий: мировоззрение и идеология современной российской элиты. М.: Институт общественного проектирования. 2008. С. 47-51.

Попытки разграничения самодержавия и самовластия приносят новые аспекты в дискуссии о Русской власти. В обоих случаях властные отношения опираются на насильственные техники навязывания воли, но самодержавие предполагает обоснование власти ссылкой на высшие принципы, а самовластие означает самодостаточную власть, которая не нуждается в каком-либо ином обосновании помимо воли наделенного властью лица. К сожалению, оба термина обладают существенным недостатком, ограничивающим их полезность для концептуализации Русской власти. Рациональность – в ее особой форме – и техники навязывания воли с помощью рационализации оказываются совершенно чуждыми Русской власти, если она описывается в терминах самовластия и самодержавия. А это выводит за рамки анализа те недавно возникшие формы Русской власти, которые укоренены в структурах постсоветского рынка.

Использование концепции патримониализма помогает решить описанные проблемы. С ее помощью избегают крайностей как *emic*-, так и *etic*-подходов в анализе Русской власти. Использование патримониализма в данном контексте представляет собой редкий случай получения «согласованной картины мира» в непарадигмальных социальных науках – такого описания реальности, с которым могут согласиться большинство наблюдателей¹⁷. Список исследователей, описывающих Русскую власть в терминах патримониализма, включает представителей столь разных идеологических и теоретических направлений, как Михаил Восленский¹⁸, Ричард Пайпс¹⁹, Михаил Афанасьев²⁰, Карл Рьявек²¹, Юрий Пивоваров²², Стефан Хедлунд²³ и ряд других. Эти авторы противопоставляют Русскую власть как особую форму патримониальной власти бюрократической администрации. Рациональная бюрократия, вслед за Вебером, ассоциируется с современными формами организации по причине своей «стабильности, четкости, интенсивности и предсказуемости»²⁴. В результате получается аналитический континуум с двумя крайними точками: патримониализмом и веберовской бюрократией. В разные периоды времени точная позиция Русской власти на этой оси может изменяться, но она всегда располагается ближе к патримониальному концу²⁵.

¹⁷ Babbie E. and Benaquisto L. *Fundamentals of Social Research*. Scarborough, ON: Nelson. 2002. P. 9-13, 40.

¹⁸ Voslensky M. *Nomenklatura: The Soviet Ruling Class*. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E. [1980] 1984. P. 71.

¹⁹ Пайпс Р. *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований. 2001. гл. 4.

²⁰ Афанасьев М. Н. *Клиентелизм и российская государственность*. М.: Московский общественный научный фонд. 2-е издание. 2000. С. 13-40.

²¹ Ryavec K. *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers. 2003. P. 177-78.

²² Пивоваров Ю. *Полная гибель всерьез*. М.: РОССПЭН. 2004. С. 65.

²³ Hedlund, S. *Russian Path Dependence*. L. and N.Y.: Routledge. 2005. P. 125.

²⁴ Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. N.-Y. 1968. P. 224.

²⁵ Yaney G. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905*. Urbana, IL: University of Illinois Press. 1973; Solomon P. *Socialist Bureaucracy and the Law-Based State*. Paper presented at the conference “Real Socialism and the Second World”. University of Toronto, April 30 – May 1. 2004; Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров. 2005. С. 82; Brym R. and Gimpelson V. *The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s*. // *Slavic Review*,

Описывая идеальный тип патримониализма, Вебер отмечает роль традиции в регулировании отношений²⁶. Он так же отмечает тесное переплетение власти над людьми и власти над материальными предметами: «офис становится объектом собственности»²⁷. Популярность концептуализации Русской власти в терминах патримониализма может быть отнесена как раз на счет незаконченного и гибкого характера этого концепта. В итоге некоторые исследователи делают акцент на феномене власти-собственности, отодвигая на задний план требование традиционного обоснования власти, тогда как другие уделяют исключительное внимание традиционному характеру патримониальной власти, забывая о том, что «политически ориентированный капитализм... вполне совместим с патримониализмом»²⁸.

Решение задачи эмпирической проверки наличия двух характеристик патримониализма в российском случае сталкивается с рядом проблем. С одной стороны, даже если нормативное понимание самодержавия – как оно должно быть – предполагает традиционное обоснование, традиция слабо ограничивает своеволие правителя, особенно принимая во внимание последние эволюции Русской власти. Традиционное обоснование предполагает, что как те, кто обладает властью, так и те, кто ей подчинен, уважают традиции. То есть «вековые» традиции представляют собой общие верования правителей и подданных. В России традиции носят скорее дискретный, чем непрерывный характер: они во многом зависят от особенностей конкретного периода времени²⁹. Например, в 2007 г. лишь 23% россиян по-прежнему воспринимают 7-ое ноября настоящим праздником, несмотря на всю важность, которая придавалась годовщине октябрьской революции в советское время³⁰.

Патримониализм так же предполагает укорененность власти в институте семьи и его производных: клане, круге друзей и т.д. Его становление «происходит в условиях воспитания уважительного отношения детей к власти главы дома, патриарха»³¹. Устойчивость института семьи в России не является исторической константой: она достигает своего минимума в начале 2000-х годов (таб. 1).

vol. 63, 2004. №1.

²⁶ Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. N.-Y. 1968. P. 1020.

²⁷ *ibid.* P. 1033.

²⁸ *ibid.* N.-Y. 1968. P. 1091.

²⁹ Гудков Л., Дубин Б. и Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2007. С. 5.

³⁰ Аналитический центр Юрия Левады. *Общественное мнение – 2007: ежегодник*. М. 2007. С. 264.

³¹ Weber M. *Economy and society: An outline of interpretive sociology*. N.-Y. 1968. P. 1050.

Таблица 1

Коэффициент браков и разводов, на 1 000 человек населения, 1940-2007, отдельные годы

	1940	1950	1960	1970	1980	1990	1992	1995	1996	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Коэффициент браков [1]	6.3	11.6	12.1	10.1	10.6	8.9	7.1	7.3	5.9	6.9	7.1	7.6	6.8	7.5	7.8	8.9
Коэффициент разводов [2]	1.1	0.4	1.3	3	4.2	3.8	4.3	4.5	3.8	5.3	5.9	5.5	4.4	4.2	4.5	4.8
[1] to [2]	5.7	29	9.3	3.4	2.5	2.3	1.7	1.6	1.6	1.3	1.2	1.4	1.5	1.8	1.7	1.9

Источники: ЦСУ СССР 1978, 26; Федеральная служба государственной статистики 2006, 117 и http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/osn/05-06.htm. Данные на 1940, 1950 и 1960 гг. относятся к СССР в целом).

С другой стороны, исключительное внимание, уделяемое власти-собственности, то есть практикам предоставления и защиты прав собственности в обмен на оказание услуг правителю, оставляет в тени вопросы доминирования посредством рынка, характерного для политического капитализма. «Политический капитализм, или политически ориентированный капитализм, означает получение прибыли с помощью государства, посредством контактов с его представителями или под прямой защитой государства»³². В практическом плане акцент на власти-собственности означает, что для доказательства присутствия Русской власти в конкретном случае необходимо, чтобы были затронуты вопросы собственности (например, как в «деле ЮКОСа»), тогда как другим ее атрибутам уделяется значительно меньше внимания.

Концептуализация Русской власти в терминах патримониализма так же исключает из анализа исключительно насильственные техники навязывания воли. Патримониализм является особой формой традиционной власти, что предполагает обоснованный характер властных отношений. С этой точки зрения патримониализм имеет ряд общих черт с самодержавием, но не с самовластием. Все эти соображения объясняют потребность в продолжении поисков в области концептуализации Русской власти.

Теоретическая модель: Русская власть как власть в ее чистом виде?

Более удовлетворительный вариант концептуализации должен соответствовать ряду критериев. В-первых, подобно патримониализму и в отличие от самодержавия или самовластия, с его помощью преодолевается противоречие между *etic*- и *emic*-подходами. Здесь утверждается, что идеальный тип Русской власти обладает избирательным сродством с властью в ее чистом виде, то есть с исходным пунктом в эволюции любых иных форм власти. На более продвину-

³² Swedberg R. Principles of Economic Sociology. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2003. P. 60.

тых этапах логической и исторической эволюции власть может превращаться в авторитет как обоснованную форму властных отношений, может быть помещена в определенные рамки или ограничена тем или иным способом. Но изначально – в смысле ранних этапов ее логической и/или исторической эволюции – власть существует в чистом, «сыром» виде и наблюдения Русской власти помогают определить ее параметры в таком состоянии.

Во-вторых, она должна иметь несколько измерений, каждое из которых описывается с помощью определенного атрибута. Вопросы обоснованного характера власти относятся к одному из таких измерений, техники навязывания воли – к другому. Альтернативный вариант концептуализации Русской власти должен обеспечивать достаточную гибкость и охватывать широкий спектр техник навязывания воли – от насилия в явных формах (например, силы и принуждения как использования угроз применить силу в случае неподчинения) до тех, что укоренены в рыночных структурах. Последние изменения показывают, что Русская власть оказывается вполне совместимой с политическим капитализмом.

Третье измерение, а именно цель, ради которой стремятся к власти (с двумя точками отсчета: власть как самоцель и власть как средство для достижения других целей) может быть добавлено к первым двум, равно как и некоторые другие измерения.

В-третьих, более удовлетворительная концептуализация должна допускать эмпирическую фальсификацию: четкий список атрибутов Русской власти требуется для суждения об ее наличии или отсутствии в конкретном институциональном контексте и в определенный исторический период. Попытки концептуализации власти в ключе, облегчающем ее эмпирическую проверку, продолжают работу Гирта Ховштеде над измерением дистанции власти³³. Здесь так же используются существующие заделы³⁴ в области эмпирической оценки степени экстенсивности власти (число подчиненных у лица, обладающего властью) и ее интенсивности (насколько детально наделенное властью лицо может контролировать действия подчиненных в конкретной сфере).

Власть, находящая обоснование в себе самой. Самодостаточный характер Русской власти означает, что она находит обоснование в себе самой, то есть в самом факте реализации власти. Русская власть не проистекает из каких-либо внешних источников. Она имеет исключительно внутренние источники. «Представление [ее] не нуждается в представлении другой вещи»³⁵.

Следует отметить, что в отличие от ситуаций, в которых обоснование не требуется, например, во взаимоотношениях между лично знакомыми людьми в

³³ Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, CA and L.: SAGE Publications. 1980. P. 99.

³⁴ Шкаратан О. и колл. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа групп. 2009. С. 2.

³⁵ Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 205; см. также: Пивоваров Ю., Фурсов А. Правопреемство и Русская власть. Полития. 1998. № 1.

приватной сфере или в рамках группы объединенных общей рационально выбранной целью людей, здесь вовлеченные во взаимодействия лица ожидают обоснования власти. Идеал самодержавия предполагает обоснование власти. Однако и в этом случае механизм обеспечения обоснования власти отсутствует. Несмотря на потребность в обосновании, власть в ее чистом виде не отвечает этому критерию: правитель либо обосновывает ее самим фактом реализации власти, как в случае самовластия, либо предлагает «фальшивое» обоснование. Ссылки на религиозные и идеологические принципы используются самими обладателями власти лишь в тех случаях, когда их автономия и свобода действий остаются нетронутыми.

Власть как самоцель. Еще одной характеристикой самодостаточной власти является ориентация ее представителей на постоянное воспроизводство и экспансию власти. В глазах правителя главным приоритетом является обеспечение стабильности и непрерывности власти, а не устойчивое социально-экономическое развитие, прирост населения и так далее. Власть воспринимается теми, кто ею обладает, не как средство для достижения этих и других целей, а прежде всего как самоцель. Их интерес тогда заключается в обеспечении как можно более всеохватывающего характера власти, в увеличении количества сфер деятельности под контролем ее представителей, а так же интенсивности контроля в каждой из этих сфер³⁶. Власть в ее чистом виде превращается для тех, кто к ней стремится, в высшую, терминальную ценность³⁷.

Результаты опросов подтверждают распространенность восприятия Русской власти как самоценности как ее обладателями, так и теми, кто ей подчинен. Например, опрос, проведенный среди государственных служащих на муниципальном и региональном уровнях (N=300, 2005), показывает, что «во всех группах опрошенных госчиновников точка зрения о том, что российская бюрократия главным образом заинтересована в обеспечении своего богатства и влияния, является доминирующей»³⁸. Простые россияне вполне разделяют такое мнение. Отвечая на вопрос о целях действий государственных служащих, они видят их в удовлетворении государственными служащими своих собственных интересов (55%, N=1,600, октябрь 2007), а не интересов государства (20%) или населения в целом (12%³⁹).

Насильственные техники навязывания воли. Власть, находящая обоснование в себе самой, основная цель которой заключается в самовоспроизводстве и экспансии, опирается преимущественно на насильственные техники навязывания воли, ибо эти характеристики исключают использование убеждения и иных техник навязывания воли через обоснование, а так же существенно огра-

³⁶ Макаренко В. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1998. С. 99.; см. также: Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E. [1980] 1984. P. 170.

³⁷ Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 92.

³⁸ Бызов Л. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // Социс. 2006. № 3. С. 26; см. также: Тихонова Н. Бюрократия: часть общества или его контрагент? // Социс, 2006. №3. С. 6.

³⁹ Аналитический центр Юрия Левады. Общественное мнение – 2007: ежегодник. М. 2007. С. 24.

ничивают область применения техник, основанных на рационализации. Чем «чище» власть, тем сильнее ее связь с насилием. В этой связи при упоминании насилия «речь идет не о властных технологиях, а о самом характере власти»⁴⁰.

Лица, обладающие властью в ее чистом виде, предпочитают негативные санкции позитивным как на словах, так и на деле. Формулируя советы самодержцу, Карамзин особенно подчеркивает достоинства опоры на страх: «страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных»⁴¹. Члены советской властвующей элиты имели аналогичные правила: они «предпочитали принуждение использованию позитивных стимулов, делая ставку на силовую пропаганду, а не на преимущества высоких зарплат»⁴². С тех пор если ситуация и изменилась, то несущественно: контент-анализ 442-х газетных статей, посвященных деятельности региональных лидеров в двух областях России и Казахстана в конце 1990-х – начале 2000-х годов показывает, что негативные санкции упоминаются два раза чаще позитивных⁴³.

Власть в ее чистом виде совместима с широким определением насилия как крепости воли, способной сокрушить крепость другой воли⁴⁴ и, следовательно, с насильственными техниками навязывания воли. Наряду с физическим, насилие может принимать ряд других форм: символическое, структурное, словесное и так далее. Символическое насилие сводится к сокрушению верований и ценностей «через повсеместное навязывание и культивирование... доминантной культуры»⁴⁵. Структурное насилие означает сокрушение интересов и рационально выбранных планов посредством сознательного ограничения набора доступных стратегий и изменения матрицы выигрышей. В итоге действительные интересы акторов, подчиненных власти, замещаются теми, что производны от предпочтений обладающих властью лиц⁴⁶. Эта множественность форм насилия объясняет гибкость Русской власти и ее способность адаптироваться к широкому спектру институциональных контекстов – от национальной экономики как хозяйства правителя до командной экономики и постсоветского рынка. С этой точки зрения, власть-собственность является ничем иным, как особой насильственной техникой навязывания воли, включающей элементы физической

⁴⁰ Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 22; см. также: Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 66.

⁴¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 101.

⁴² Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E. [1980] 1984. P. 154.

⁴³ Ермаков, С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В. и Суховольский С. В. *Власть в Русской языковой и этнической картине мира*. М.: Знак. 2004. С. 223.

⁴⁴ Это определение производно от тезиса Ханны Арендт (Arendt H. On violence. N.Y.: Harcourt, Brace & World. 1969. P. 46) о том, что «феноменологически, [насилие] сродни крепости, ибо применения насилия, подобно другим орудиям, направлены на умножение естественной крепости вплоть до полного ее замещения».

⁴⁵ Bourdieu P. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. //Sociological Theory, vol. 12, 1994. №1. P. 6.

⁴⁶ Lukes S. Power: A Radical View. Houndmills, Hampshire and N.Y.: Palgrave Macmillan. 2nd edition. [1974] 2005. P. 27-28; Dowding K. Power. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. 1996. P. 5-8.

(права собственности обеспечивают физический контроль над вещами⁴⁷, в том числе через предоставление доступа к ним в обмен на оказание услуг правителю) и структурного (так как происходит искажение экономических интересов) насилия.

Крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей. Любая власть предполагает асимметричность во взаимоотношениях между тем, кто ею обладает и тем, кто ей подчиняется: первый командует и управляет, тогда как второй подчиняется. Однако самообоснованный характер власти в ее чистом виде и ее опора на насилие доводят диспропорции в распределении прав и обязанностей между властителями и подчиненными до крайних форм. Вообще говоря, язык прав и обязанностей представляется чуждым в контексте власти в ее чистом виде: права сконцентрированы на одном полюсе взаимоотношений, а обязанности – на другом. Вместо свобод, подчиненные власти лица имеют долг и обязанности, что, по мнению Пивоварова⁴⁸, и объясняет «тягловый характер» российской социальной системы.

Крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей позволяет ряду авторов видеть в Русской власти случай крайней монополизации принятия решений: лишь один или очень немногие субъекты принимают решения и проявляют инициативу. Например, О.Крыштановская формулирует следующий «железный закон»: «власть может быть только одна, и эта власть – верховная»⁴⁹.

Перенесение акцента с монополистической природы власти на степень ее асимметрии имеет ряд преимуществ. С одной стороны, монополия принятия решений означает сведение к нулю элементов рациональности в действиях тех, кто подчинен власти в ее чистом виде, и исключает тем самым использование ряда техник навязывания воли, укорененных в рыночных структурах. Совершенная монополия принятия решений возможна, но лучше определять власть в ее чистом виде как бесконечную регрессию к такой ситуации. С другой стороны, перенесение акцента на вопрос о степени асимметричности облегчает задачу выработки количественных – относительных – измерений Русской власти, в отличие от номинальных, позволяющих судить только об ее наличии или отсутствии.

Отсутствие обратных связей. Крайняя асимметрия в распределении прав и обязанностей, помноженная на самообоснованный характер власти в ее чистом виде делает излишними обратные связи во взаимоотношениях между властителями и подданными. Обратные связи важны тогда, когда власть нахо-

⁴⁷ Redmond P. W. and Shears P. General Principles of English Law. L.: Financial Times / Prentice Hall. 7th edition. [1964] 1993. P. 271-272.

⁴⁸ Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 21

⁴⁹ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2005. С. 107; см. также: Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М.: РОССПЭН. 2004. С. 148. Холмс Л. Социальная история России: 1917-1941. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та. 1994. С. 83; Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E. [1980] 1984. P. 104.

дит свое обоснование во внешних источниках, в особенности в общественной поддержке, как в случае плебисцитарной власти.

Лица, наделенные властью, могут позволить подданным выражение личных мнений, но любые попытки объединения последними своих усилий для увеличения шансов быть услышанными рассматриваются как вызов власти. Русская власть допускает лишь индивидуальные жалобы в качестве единственно приемлемой формы обратных связей⁵⁰: они даже помогают верховным властителям лучше контролировать действия своих представителей «на местах». Что же касается коллективных жалоб и петиций, то они строго запрещены⁵¹.

Отсутствие обратных связей приводит к становлению особой социальной структуры, которая может быть уподоблена песочным часам: «узкая перемычка отделяет индивида от государства, социальная жизнь концентрируется в верхней и нижней полусферах часов»⁵². Структура в форме песочных часов означает, что связи между теми, кто находится «наверху», правителями, и теми, кто находится «внизу», подданными, чрезвычайно слабы или просто отсутствуют. Опрос, одновременно проведенный с помощью двух выборок – государственных служащих и простых россиян – подтверждает существование пропасти между ними: «чиновники в сегодняшней России являются особой социальной группой, их обособление от остального населения очевидно не только для простых россиян, но и для них самих»⁵³.

Предлагаемая концептуализация Русской власти с помощью пяти атрибутов не означает отрицания ценности предыдущих попыток. Наоборот, известные подходы в ней используются в качестве элементов более всеохватывающей, существующей в нескольких измерениях, картины. Так, насильственная природа Русской власти оказывается напрямую связанной с ее другими атрибутами, такими как самообоснованный характер и отсутствие обратных связей. Аналогичным образом, власть-собственность как элемент патримониализма представляет собой одну из насильственных техник навязывания воли. Логические связи между пятью элементами Русской власти показаны на рис. 1.

⁵⁰ Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2-е издание. 2000, 2001. С. 129.

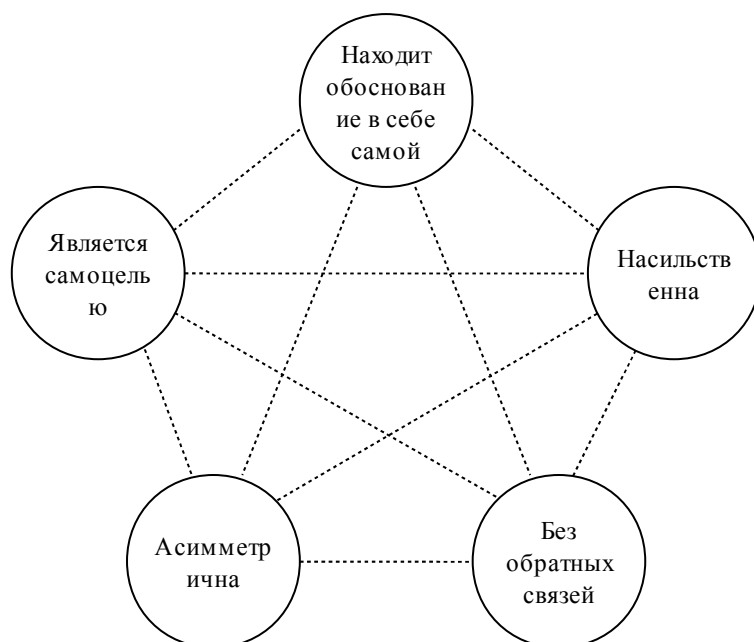
⁵¹ Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E. [1980] 1984. P. 173.

⁵² Rose R., Mishler W. and Haerpfer Ch. Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies. // Studies in Public Policy. 1997. № 278. P. 9.

⁵³ Бызов Л. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // Социс. 2006. № 3. С. 27.

Рисунок 1

Пять характеристик Русской власти

При измерении пяти характеристик на номинальном уровне, то есть в терминах их присутствия или отсутствия, предлагаемая аналитическая модель описывает модель власти, наблюдаемую на протяжении всей русской истории, включая самый последний исторический отрезок. Однако при использовании относительных измерений, например, степени асимметричности властных отношений, появляется возможность улавливания более тонких нюансов в эволюции Русской власти. В зависимости от конкретного периода времени некоторые характеристики власти приобретают более интенсивные формы, а другие – менее интенсивные. В частности, опора на физическое насилие (и институт власти-собственности) вряд ли может быть рассмотрена как константа.

Эмпирическая иллюстрация: Русская власть глазами тех, кто ею обладает

Предложенное аналитическое описание власти в ее чистом виде позволяет получить список атрибутов, пригодных для эмпирической проверки. Стратегия эмпирической фальсификации заключается в выделении элементов публичного дискурса, которые могут быть интерпретированы с помощью пяти атрибутов Русской власти. Здесь может помочь контент-анализ транскриптов экспертных и специализированных интервью. Анализ исходит из допущения, что верования индивидов относительно власти отражают ее действительную природу. Это достаточно проблематичное допущение. Во-первых, сказанное на публике, в том

числе в рамках интервью, не обязательно соответствует тому, что люди говорят и делают в действительности. Тенденция к двоемыслию, или диссонансу между сказанным на публике и реальным поведением, принимает особенно явные формы в России⁵⁴. Обычные средства борьбы с двоемыслием, такие как использование косвенных вопросов, техники кодирования латентных смыслов, т.е. чтения текста «между строк» и выявления скрытым образом присутствующих идей, помещение респондента в сконструированные искусственным образом «критические ситуации», в которых нет единственного социально одобряемого варианта обоснования поведения⁵⁵, далеко не совершенны.

Во-вторых, акцент на верованиях людей в отношении власти может привести в следующую ловушку: сами эти верования иногда являются, в свою очередь, продуктом властных отношений⁵⁶. Здесь следует указать значимый контраргумент. Уже упомянутая теорема Томаса утверждает, что субъективное восприятие ситуации людьми влияет на ее развитие.

Для контент-анализа были использованы результаты двух серий интервью с государственными служащими и экспертами. Серия А включает транскрипты 64-х полуструктурированных качественных интервью, проведенных в 2006-2008 гг. с экспертами и государственными служащими, занимающими должности начальника отдела и директора департамента на региональном и федеральном уровнях⁵⁷. Серия В состоит из транскриптов 43 неструктурированных качественных интервью, проведенных в 2005-2006 годах с экспертами, бизнесменами и государственными служащими, занимающими должности директора департамента и заместителя министра на федеральном уровне⁵⁸.

Качественный контент-анализ был проведен с использованием программы *QDA Miner* (версия 2.0.8), разработанной фирмой *Provalis Research* и списка кодов, соответствующих пяти атрибутам власти в ее чистом виде. В целях детализации код «Насильственные техники навязывания воли» подразделен на

⁵⁴ Shlapentokh V. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. N.Y.: Oxford University Press. 1989. С. 98; Хлопин А. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения). // *Общественные науки и современность*, 1994. №3.

⁵⁵ Oleinik A., Aparina N., Clément C., Gvozdeva E., Kashturov A. and Minin M. *L'analyse socio-économique du blanchiment: L'exemple des capitaux illicites russes en France et dans d'autres pays occidentaux*. Saint-Denis-la-Plaine: l'INHES. 2005.

⁵⁶ Beetham David. *The Legitimation of Power*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International. 1991. P. 9.

⁵⁷ Исследование «Особенности власти в постсоветском контексте: теоретические соображения и эмпирические исследования бюрократии» было осуществлено благодаря поддержке Канадского совета по социальным и гуманитарным наукам (грант № 820-2005-0004). Группа исследователей состояла из к.э.н. Н.Апаринной (Кемеровский государственный университет), к. п. н. С.Бирюкова (Кемеровский государственный университет), д-ра К.Клеман (Институт социологии РАН), проф. О.Гаман-Голутвиной (МГИМО), проф. С.Глинкиной (Институт экономики РАН), Е.Гвоздева (Université Libre de Bruxelles), к. п. н. Г.Медведевой (Институт социологии РАН, Санкт-Петербург) и автора в качестве участника и руководителя.

⁵⁸ Исследование «Постсоветская элита» было осуществлено сотрудниками Левада-Центра при финансовой поддержке фонда «Либеральная миссия». Оно завершилось публикацией отдельной книги (Гудков Л., Дубин Б. и Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2007). Автор благодарен проф. Л.Гудкову и Н.Зоркой за предоставленные для вторичного анализа транскрипты интервью.

шесть: «Сила», «Принуждение», «Манипуляция», «Доминирование в результате сочетания интересов», «Структурный перекося» и «Символическое насилие». Для облегчения сравнений в список кодов были включены два описывающих ненасильственные техники навязывания воли, «Позитивные стимулы» и «Легитимация».

Приложение содержит краткое описание цитируемых респондентов. Надежность (согласованность в кодировании) и валидность (соответствие кодов латентным переменным, то есть атрибутам власти) результатов качественного кодирования были оценены с помощью оригинальной модели путей⁵⁹.

Власть, находящая обоснование в себе самой. Квинтэссенцией власти, находящей обоснование в самой себе, вероятно можно считать принцип, согласно которому обладающий властью всегда прав. Три собеседника независимо друг от друга и спонтанным образом упомянули его в своей речи. «Есть правила игры в бюрократию: я начальник – ты дурак» (23В). Приказы и указания вместо обоснования отсылкой к высшим принципам или просто здравому смыслу, просто отдаются и не обсуждаются. «Понимаешь, что существует глупость задания, никчемность, а делать надо. Это убивает, но в то же время понимаешь, что просто с этим нужно бороться. Чтоб с этим бороться нужно много сил, здоровья и ума, конечно» (7А).

Власть как самоцель. Решения и действия лиц, обладающих Русской властью, направлены прежде всего на ее укрепление и воспроизводство. Прочие экономические, политические и социальные цели имеют вторичный характер. «[Главная цель] для аппарата – это самосохранение и разрастание» (58А). «Власть – это наркотик... Могу вспомнить немало примеров, когда люди просто спивались, ломались, когда уходили из власти» (63А).

Крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей. Представляется удачной следующая метафора, предложенная Восленским [Voslensky 1984]: обладающие Русской властью всегда чувствуют себя в водительском сиденье. Они решают куда ехать, с какой скоростью и нарушать ли при этом правила. Обычные россияне и представители бизнеса, напротив, чувствуют себя пассажирами, сидящими на заднем сиденье – их благосостояние и безопасность целиком зависят от внешних факторов. «Человек сегодня бессилен... Вот сейчас начало года: я получаю из налогового ведомства бумаги – за дом, за квартиру, за землю заплатить. Почему такие цифры? Причем бумаги приходят одна, потом вторая, с поправками, а потом начинаются пени, и почта может месяц доставлять их» (33А).

Эта цитата заслуживает особого внимания, так как она показывает радикальное изменение в восприятии ситуации, происходящее при перемещении с водительского сиденья на заднее пассажирское место (перед уходом на пенсию собеседник входил в круг советской и российской номенклатуры).

⁵⁹ Олейник А. Триангуляция в контент-анализе: вопросы методологии и эмпирическая проверка. // Социс, 2009. №2.

Отсутствие обратных связей. Многие собеседники подтверждают верность метафоры общества в форме песочных часов, вероятно, даже не зная об ее существовании. Информационные потоки даже внутри государственного аппарата носят преимущественно односторонний, ориентированный сверху вниз, характер. «В России, к сожалению, государство совершенно отделено от общества, на мой взгляд. Мне кажется, государство, которое сегодня представляет президент, правительство, там региональные какие-то власти, не все там поголовно, но они слишком далеки от общества, очень далеки» (43А).

Насильственные техники навязывания воли. Обсуждение насильственных техник навязывания воли начинается с силы и заканчивается структурным и символическим насилием, переходя от наиболее к менее явным формам насилия.

Сила. Она представляет собой насилие в наиболее явной форме. Ее использование связано с издержками, ибо она требует непрерывного приложения. Только властители, не ограниченные в ресурсах, могут позволить себе систематически применять силу, что существенно ограничивает масштабы ее практического использования (наблюдается зависимость между объемом нефтяной и газовой ренты, получаемой российским государством, и его готовностью прибегать к наказанию лишением свободы⁶⁰. «Если он кому-то мешает, то на него много чего можно повесить и усадить в тюрьму» (12А).

Принуждение. Использование принуждения позволяет обойтись меньшими ресурсами: сила является элементом расчета всех участников взаимодействия, но применяется лишь в крайнем случае. Это может быть причиной, по которой собеседники чаще упоминают принуждение, а не силу (два раза чаще по данным для серии А, см. таб. 2).

«Если человека возьмут за макушку и дадут хорошенько палкой, он становится удивительно покладистым и добрым существом. И самое главное, чтобы средние политики, поняли, что их не пугают виртуально некоей угрозой, а им реально показывают, что с ними может быть» (38В)

Манипуляция. Осуществляется с помощью сознательного искажения информации, доступной подчиненному. Широкие масштабы ее применения позволяют некоторым исследователям говорить о «виртуальной политике» как субституте реальной в российском случае⁶¹. «Просто информация, которую выдают в прессу, даже если это какая-то супероткрытая структура, дозируется» (19А)

Доминирование в результате сочетания интересов. Эта техника заключается в сознательном ограничении вариантов выбора стремящимися действовать рационально акторов. Доминирование в результате сочетания интересов производно от несовершенств и искажений рыночных структур и, следовательно,

⁶⁰ Oleinik A. Deux modules de pouvoir: une étude empirique dans le milieu carcéral russe. Revue d'études comparatives Est-Ouest 39 (4): 185-212. 2008. P. 202-204.

⁶¹ Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT and L.: Yale University Press. 2005.

представляется совместимым с условиями постсоветского рынка. Для того, чтобы фрагменту текста был присвоен соответствующий код, упоминаемые в нем искажения рынка должны быть результатом осознанных действий обладающих властью лиц. В обеих сериях интервью соответствующий код встречается чаще остальных. «Поэтому-то бизнес к нам постоянно и обращается: помогите, у нас фирма губернаторской дочки не пускает нас на рынок» (19А).

Структурное насилие. Несмотря на схожесть с доминированием в результате сочетания интересов, структурное насилие обладает рядом присущих только ему черт. Так, оно проявляется в случаях ограничения доступных подчиненному вариантов выбора существующими в широком смысле этого слова правилами игры (в предыдущем случае речь идет о более узко понимаемой рыночной игре). «Тут выбор очень простой. Или ты хочешь быть внутри и тогда соглашаешься с теми правилами, которые там есть, и не критикуешь начальника. Если ты хочешь критиковать – выходи и встань сбоку, критикуй. Как в Англии, есть оппозиция Ее Величества, но нет оппозиции Ее Величеству» (23В).

Символическое насилие. Наконец, символическое насилие подразумевает «идеологическую работу» столь распространенную в советское время⁶². В постсоветский период символическое насилие принимает целый ряд форм – от поисков «национальной идеи» до нейролингвистического программирования. «Парадокс заключается в том, что при применении на подсознательном уровне метода зомбирования... рациональные объяснения не работают» (30В).

Ненасильственные техники навязывания воли. Эти техники не вписываются в модель власти в ее чистом виде. Не удивительно, что респонденты упоминают их относительно редко. Например, соотношение кодов, относящихся к насильственным техникам, и кодов, относящихся к ненасильственным техникам, в серии А составляет 4 к 1 (660 к 175), в серии В – 7 к 1 (413 к 55).

Позитивные стимулы. Позитивные стимулы сводятся к побуждению: «здесь источником власти является *вознаграждение*, которое получает объект от субъекта в обмен на подчинение»⁶³. «У государства есть ресурс стимулировать определенные социальные группы к тем или иным действиям, например, егулярное повышение пенсий, повышение заработной платы – пусть оно даже инфляционное» (17В).

Легитимация. В практическом плане легитимация власти требует использования убеждения, обращения к разумным аргументам. «А представляет В аргументы, призывы и увещания, и В, руководствуясь своими ценностями и целями, оценивает их и может соответствующим образом скорректировать свое поведение»⁶⁴. «Важно иметь аргументированную позицию, и она часто принимается» (13А).

⁶² Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia. N.Y.: Oxford University Press. 1989. P. 106-108.

⁶³ Ледяев В. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН. 2000. С. 286.

⁶⁴ Wrong D. Power: Its Forms, Bases and Uses. N.Y.: Harper Colophon Books. 1980. P. 32.

Соотношение кодов. Силу связей между различными атрибутами власти в ее чистом виде можно оценить посредством анализа совместной встречаемости (со-occurrence) кодов. В обеих сериях интервью код «Насильственные техники» является центроидом, т.е. кодом с максимальной степенью сходства с другими кодами⁶⁵. Он встречается в текстах транскриптов совместно с другими кодами чаще, чем другие коды.

Коды «Власть как самоцель» и «Крайняя асимметричность» расположены ближе к коду «Насильственные техники», чем коды «Отсутствие обратных связей» и «Власть, находящая обоснование в себе самой».

Полученные результаты подтверждают, что насилие действительно можно считать альфой и омегой власти в ее чистом виде. Опора на насилие подчеркивает неинструментальный характер власти в ее чистом виде и ее крайне асимметричный характер. Крайне асимметричные отношения между обладателем власти, права которого не влекут за собой никаких обязанностей, и подчиненным лицом, имеющим только обязанности, но не права, так же подкрепляют тенденцию к опоре на насилие. Так как наделенное властью лицо не признает никаких обязанностей, ничто не препятствует использованию им насилия. Лишенный каких-либо прав подчиненный чувствует себя отчужденным и отказывается от «сотрудничества», заслуживая тем самым в глазах властителя не прыжок, а кнут.

Заключение

Предложенная концептуализация Русской власти в терминах власти в ее чистом виде находится на полпути между *emic*- и *etic*-подходами. Предпочтительность выбора промежуточного, «срединного», подхода к анализу Русской власти может быть объяснена рядом причин. Во-первых, он помогает частично снять противоречия между интеллектуальными традициями западников и славянофилов.

Во-вторых, промежуточная аналитическая позиция позволяет исследователю находиться как «внутри», так и «снаружи» предмета его анализа⁶⁶. Этот принцип приобретает особый смысл при изучении власти. Дэвид Битхэм⁶⁷

⁶⁵ Степень сходства измеряется с помощью коэффициента Жаккарда в процессе анализа совместной

встречаемости кодов.
$$SIM_{Jaccard}(code_i, code_j) = \frac{\sum_{k=1}^t (text_{ik} \times text_{jk})}{\sum_{k=1}^t text_{ik} + \sum_{k=1}^t text_{jk} - \sum_{k=1}^t (text_{ik} \times text_{jk})}$$
, где $text_{ik}$

означает текст, содержащий код $code_i$, $text_{ik} \times text_{jk}$ – совместную встречаемость двух кодов в одном и том же тексте, t – общее число текстов.

⁶⁶ Newman, W.L. Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, MA: Allyn and Bacon. 6th edition. 2006. P. vii; Touraine A. Comment sortir du libéralisme. Paris: Fayard. 1999. P. 160.

⁶⁷ Beetham David. The Legitimation of Power. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International. 1991. P. 110.

утверждает, что «понять процесс легитимизации власти, его проблемные стороны и собственно потерю властью своего легитимного характера можно лишь с позиции, находящейся вне данных властных отношений». Однако роль совершенного аутсайдера снижает стимулы к пониманию распространенной модели власти и ее критике.

Аналитическая модель власти в ее чистом виде может быть усовершенствована в следующих направлениях. Прежде всего, крайне асимметричный характер власти здесь рассматривался в рамках одной сферы деятельности, например, политики. Однако асимметрия власти в ее чистом виде означает не только ее интенсивность (например, все политические права присвоены обладателями власти), но и ее всеохватываемость (например, обладатели политической власти получают так же власть экономическую и социальную). Количественной мерой всеохватываемости могло бы быть число сфер деятельности, права и привилегии, в которых монополизированы и присвоены членами властвующей элиты⁶⁸.

Далее, представляется перспективным различить властные отношения, структурирующие взаимодействия на макро- (публичная сфера) и микро- (внутри организации, семьи) уровнях. Воспроизводит ли себя Русская власть не только на макроуровне, как убеждают цитируемые интервью с государственными служащими и экспертами, но и в повседневных взаимодействиях в кругу семьи, в школе, в университете, в коммерческой организации? Если так, то это позволит получить дополнительное объяснение стабильности Русской власти во времени.

Вопрос о механизмах передачи конкретной модели власти заслуживает особого внимания в дальнейших исследованиях. Бурдьё⁶⁹ видит его в габитусе как интериоризированных диспозициях и образцах поведения. Социологи, ориентированные на классическую традицию, делают акцент на механизмах, обеспечивающих передачу ценностей и норм между поколениями, равно как и на роли групповых норм в социализации членов властвующей элиты⁷⁰. Все эти объяснения страдают от излишнего детерминизма, что требует продолжения исследований.

⁶⁸ В этом смысле власть в ее чистом виде характерна для «простых» обществ в отличие от «сложных» и «модерных». В «сложном» обществе каждая функциональная подсистема – рынок, политика, наука и т.д. – имеет свою собственную иерархию, критерии распределения благ и соответствующие критерии распределения прав и обязательств (Walzer M. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. N.Y.: Basic Books. 1983; Boltanski L. and Thévenot L. *De la justification: les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard. 1991). Лицо, обладающее минимумом прав в одной из сфер, вполне может достичь высот в другой сфере. В «простом» обществе права распределены в пользу тех же лиц во всех сферах.

⁶⁹ Bourdieu P. *Le sens pratique*. Paris: Ed. de Minuit. 1980.

⁷⁰ Крыштановская О. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров. 2005. С. 264-279; Ryavec K. *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*. Lanham, ML: Rowman & Littlefield Publishers. 2003. P. 114.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический центр Юрия Левады. 2007. *Общественное мнение – 2007: ежегодник*. М.
2. Афанасьев М. Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность*. М.: Московский общественный научный фонд. 2-е издание.
3. Ахиезер А. 1997. *Россия: критика исторического опыта*. Том I: *От прошлого к будущему*. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2-е издание.
4. Бызов Л. 2006. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? – *Социс*. № 3.
5. Гудков Л., Дубин Б. и Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
6. Ермаков, С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В. и Суховольский С. В. 2004. *Власть в Русской языковой и этнической картине мира*. М.: Знак.
7. Ильенков Э. 1960. *Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса*. М.: Издательство АН СССР.
8. Кирдина С. 2000, 2001. *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2-е издание.
9. Ключевский В. [1903] 1957. Курс русской истории. В кн.: *Сочинения*, том 2. М.: Госполитиздат.
10. Крыштановская О. 2005. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров.
11. Ледяев В. 2000. *Власть: концептуальный анализ*. М.: РОССПЭН.
12. Макаренко В. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы*. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы.
13. Олейник А. 2009. Триангуляция в контент-анализе: вопросы методологии и эмпирическая проверка. – *Социс*, №2.
14. Пайпс Р. 2001. *Собственность и свобода*. М.: Московская школа политических исследований.
15. Пивоваров Ю. 2004. *Полная гибель всерьез*. М.: РОССПЭН.
16. Пивоваров Ю., 2006. *Русская политическая традиция и современность*. М.: ИНИОН РАН.
17. Пивоваров Ю., Фурсов А. 1998. Правопреемство и Русская власть. *Полития*. № 1.
18. Поляков Л. 2007. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность. – *Общественные науки и современность*, №2.
19. *Сумма идеологий: мировоззрение и идеология современной российской элиты*. 2008. М.: Институт общественного проектирования.
20. Сурков В. 2006. Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию. – *Эксперт*, №43.

21. Тихонова Н. 2006. Бюрократия: часть общества или его контрагент? – *Социс*, №3.
22. Тронеv К. 1972. К вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономике. – *Вестник МГУ, серия «Экономика»*, №4.
23. Федеральная служба государственной статистики. 2006. *Российский статистический ежегодник 2006*. М.
24. Хлопин А. 1994. Феномен «двоемыслия»: Запад и Россия (особенности ролевого поведения). – *Общественные науки и современность*, №3.
25. Холмс Л. 1994. *Социальная история России: 1917-1941*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та.
26. Центральное статистическое управление СССР. 1977. *Народное хозяйство СССР в 1977 г.* М.: Статистика.
27. Шкаратан О. и колл. 2009. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: ОЛМА Медиа групп.
28. Яковлев А. 1988. *Социология экономической преступности*. М.: Наука.
29. Arendt H. 1969. *On violence*. N.Y.: Harcourt, Brace & World.
30. Babbie E. and Benaquisto L. 2002. *Fundamentals of Social Research*. Scarborough, ON: Nelson.
31. Beetham David. 1991. *The Legitimation of Power*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press International.
32. Boltanski L. and Thévenot L. 1991. *De la justification: les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard.
33. Bourdieu P. 1994. Rethinking the State: Genesis and Structure of the Bureaucratic Field. – *Sociological Theory*, vol. 12, №1.
34. Bourdieu P. 1980. *Le sens pratique*. Paris: Ed. de Minuit.
35. Brym R. and Gimpelson V. 2004. The Size, Composition, and Dynamics of the Russian State Bureaucracy in the 1990s. – *Slavic Review*, vol. 63, №1.
36. Dowding K. 1996. *Power*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
37. Hedlund, S. 2005. *Russian Path Dependence*. L. and N.Y.: Routledge.
38. Hofstede G. 1980. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA and L.: SAGE Publications.
39. Hofstede G. and Bond M.H. 1984. Hofstede's culture dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey. – *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 15, №4.
40. Lukes S. [1974] 2005. *Power: A Radical View*. Houndmills, Hampshire and N.Y.: Palgrave Macmillan. 2nd edition.
41. Merton R. 1995. The Thomas Theorem and the Matthew Effect. – *Social Forces*, vol. 74, №2.
42. Morris P. 1987. *Power: A Philosophical Analysis*. N.Y.: St. Martin's Press.
43. Newman, W.L. 2006. *Social Research Methods: Qualitative and Quantitative Approaches*. Boston, MA: Allyn and Bacon. 6th edition.

44. Oleinik A. 2008. Deux modules de pouvoir: une étude empirique dans le milieu carcéral russe. *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 39 (4): 185-212.
45. Oleinik A., Aparina N., Clément C., Gvozdeva E., Kashturov A. and Minin M. 2005. *L'analyse socio-économique du blanchiment: L'exemple des capitaux illégitimes russes en France et dans d'autres pays occidentaux*. Saint-Denis-la-Plaine: l'INHES.
46. Redmond P. W. and Shears P. [1964] 1993. *General Principles of English Law*. L.: Financial Times / Prentice Hall. 7th edition.
47. Rose R., Mishler W. and Haerpfer Ch. 1997. Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies. – *Studies in Public Policy* №278.
48. Ryavec K. 2003. *Russian Bureaucracy: Power and Pathology*. Lanham, ML: Rowman & Littlefield Publishers.
49. Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post-Stalin Russia*. N.Y.: Oxford University Press.
50. Solomon P. 2004. *Socialist Bureaucracy and the Law-Based State*. Paper presented at the conference "Real Socialism and the Second World". University of Toronto, April 30 – May 1.
51. Swedberg R. 2003. *Principles of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
52. Touraine A. 1999. *Comment sortir du libéralisme*. Paris: Fayard.
53. Voslensky M. [1980] 1984. *Nomenklatura: The Soviet Ruling Class*. Garden City, NY: Doubleday & Co. Trans. by Mosbacher E.
54. Walzer M. 1983. *Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality*. N.Y.: Basic Books.
55. Weber M. [1904] 1949. 'Objectivity' in Social Science and Social Policy. – Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*, 49-112. Glencoe, IL: Free Press. Trans. and ed. by Shils E. and Finch H.
56. Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, CT and L.: Yale University Press.
57. World Values Survey Association, the. 2009. *The World Value Survey: 1999-2004 wave* <<http://www.worldvaluessurvey.org/>>.
58. Wrong D. 1980. *Power: Its Forms, Bases and Uses*. N.Y.: Harper Colophon Books.
59. Yaney G. 1973. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905*. Urbana, IL: University of Illinois Press.

Приложение
Краткая характеристика респондентов

№	Пол	Возраст	Статус	Год
7А	Муж	<30	Начальник отдела, региональная администрация	2008
12А	Муж	51-60	Глава подразделения, Администрация Президента	2008
13А	Муж	31-40	Начальник отдела, федеральное министерство	2006
19А	Муж	<30	Заместитель директора департамента, федеральная служба	2006
33А	Муж	61+	Бывший директор департамента и посол, федеральное министерство	2007
43А	Жен	31-40	Эксперт, глава департамента PR в крупной корпорации	2006
58А	Муж	51-60	Бывший вице-губернатор	2006
63А	Жен	41-50	Вице-губернатор	2008
17В	Жен	41-50	Топ-менеджер, крупная корпорация	2005
23В	Муж	41-50	Бывший заместитель федерального министра	2005
30В	Муж	41-50	Глава, федеральная служба	2005
38В	Муж	51-60	Депутат регионального законодательного органа	2005

Автор благодарен проф. Валерию Ледяеву (ГУ-ВШЭ) за ценные комментарии к начальной версии данного текста. Однако только автор несет ответственность за сформулированные в окончательной версии утверждения.